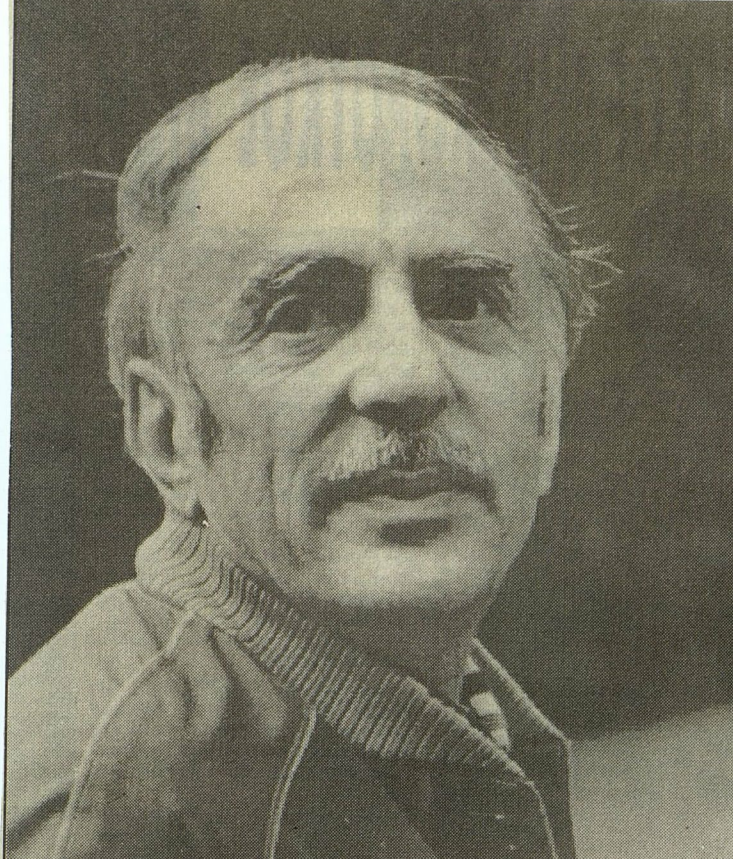

Гость "ВК"

У него есть и почетные звания, и многие высокие награды. И еще та, которую не приколешь к лацкану пиджака, не повесишь на стену, не уберешь в архивную папку, но от этого не менее значительная: любовь зрителей. Его работами восхищаются "от Москвы до самых до окраин" и еще дальше. Ведь это человек, вложивший свой талант в сценарии фильмов "Берегись автомобиля!", "Служебный роман", "Гараж", "Ирония судьбы, или С легким паром", "Учитель пения", "Почти смешная история"... А теперь и двух новых картин: "Воровка" и "Московские каникулы".

Драматург и сценарист Эмил Брагинский сегодня в гостях у "Вечернего клуба".

**Эмил
БРАГИНСКИЙ:**

«Главное — закрыть дверь, не подходить к телефону и не играть в шахматы»

Веч. клуб - 1995. - 13 апр - с. 5

— Начну с упрека, Эмил Вениаминович, хотя и не совсем вам. Новая отечественная кинокомедия теперь на афишах невероятная редкость.

— Ситуация в кино катастрофическая, об этом уже многие высказались и написали. В стране нет проката отечественного кинематографа. Мы работаем впустую. К профессиям сценариста и режиссера добавилась еще одна, основная, которую можно назвать "Подать Христа ради!" А ведь жанр доброй кинокомедии обречен на внимание зрителей. Юмор — средство общения, через смешное быстрее пробьешься к сердцу человека. Но раз нет проката, нет и общения.

— Вас страшит премьера вашего нового фильма?

— Нет, теперь лишь радует: эти премьеры слишком редки. Конечно, волнуясь: как примут? Драматурги и режиссеры делятся на две категории. Одни идут на премьеру победоносно, смеясь и гордясь собственными репликами, и убеждены: все, что они сделали, гениально. Другие глотают успокоительные таблетки; я как раз из таких.

— Вам известна дальнейшая судьба картин "Воровка" и "Московские каникулы"? Я была на премьерах, принимали их "на ура".

— Нет, совершенно не известна.

— То есть не исключено, что ленты окажутся на полке?

— Полка — это запрещенное кино, теперь такого понятия нет. Сейчас — в чулане у продюсера.

— До тех пор, пока...

— ... государство, не знаю, кто конкретно, не задумывается о судьбе своего кинематографа, не прекратит нашествие низкопробных картин из-за рубежа. Зачастую я вижу явное влияние этих картин на творчество иных наших режиссеров: поэзия выстrelа, насилие, культ примитивнейшего юмора... Еще проблема: жесточайшая конкуренция телевидения. Кстати, как ни странно, во всем мире перестали покупать пружу для вязания. Если раньше старушки всех стран вечерами работали спицами, то теперь они боятся: вдруг нитка выскользнет, и они не узнают, что произошло с "Богатыми, которые тоже плачут". Да и зачем платить в кинотеатре немалые деньги и по пути домой получить по голове от хули-

гана, если каждый вечер задаром, сидя у экрана в тапочках, можно увидеть три фильма плюс сериал? Я и сам в кино давно не был. Вылавливаю хорошие фильмы по ТВ, отдаю ему должное, особенно НТВ: в последнее время показали и "Полуночного ковбоя", и "За отдельными столиками", и много картин Феллини.

— Ваши сценарии попадали в руки известных режиссеров. А могли бы вы рискнуть: отдать человеку "пока без имени"?

— Пожалуй! Алла Сурикова. Первая ее картина "Суeta суeta" (1979) поставлена по моему сценарию. Сперва я был в панике — не от того, что дебютантка, а от того, что женщина. С режиссерами-мужчинами можно поцапаться, нашуметь (взаимно). А как с ней? Но мы с Аллой быстро подружались.

И свой первый фильм (телевизионную короткометражку) Василий Пичул поставил по моему сценарию. И сейчас я пишу для 30-летнего Владимира Нахабцева, сына моего любимого кинооператора Владимира Дмитриевича Нахабцева, с которым мы работали над "Берегись автомобиля!", "Служебным романом", "Иронией судьбы"... Однако дело не в личных симпатиях: этот молодой человек покори меня недавней картиной "Следы дождя" с Юозасом Будraitисом. Главное — найти общий язык с режиссером.

— Можно ли сказать, что у вас есть свои любимые сюжеты, темы?

— Каждый драматург по сути пишет всю жизнь один сценарий... Свою первую пьесу "Раскрытое окно" я прочел в 1958-м Михаилу Михайловичу Яншину, главному режиссеру Театра имени Станиславского (пошел в тот театр, который ближе к моему дому, поняв, что до следующего со страха не дойду). Всю пьесу Яншин слушал, закрыв глаза. Ну, думаю я, провалился. Вдруг Яншин воскликнул: "Я так смеялся!" Он разглядел в ней комедию. Я-то был уверен, что сочинил нечто серьезное.

"Эмил, запомните, — сказал тогда Яншин, — это — ваша интонация, вы должны не изменять своим сюжетам и интонациям!". Поэтому и теперь, когда многие подделываются под сегодняшний день, пишут жестко и жестоко, я стараюсь писать о тех, кого любил и люблю, — о немеркантильных, трепетных, искренних белых воронах... Некогда критик Ирина Василинина назвала меня "утешителем"

— пусть так. Кто-то считал мои пьесы "городскими сказками" — не возражаю. Настоящая любовь — тоже сказка, и еще величайшее счастье, какое дано человеку.

— Это вы, кажется, утверждаете и в двух новых работах?

— Картины по жанру разные. "Воровка" — мелодрама с юмором. "Московские каникулы" — чистая комедия. Но в обеих режиссерам — Владимиру Краснопольскому и Валерию Ускову, Алле Суриковой — удалось талантливо рассказать историю любви... Один мой итальянский друг заявил, что обе эти киноленты могут с успехом пройти в Италии, ни одного "почему?" не возникнет (хотя я сомневаюсь, что они там поймут). Наши с Рязановым картины на Западе были не поняты: проблемы в них поднимались сугубо советские. Скажем, в театральных постановках "Гаража" в Берлине, Варшаве и Праге были переставлены актеры; режиссеры, будто сговорившись, делали самым "отрицательным" Жениха, который, вместо того чтобы пойти к любимой, торчит на собрании.

— Знаком вам указующий перст внутреннего цензора?

— Еще как знаком!

— Мне казалось, что уж у вас-то свобода мысли и свобода слова всегда в ладу.

— Спасибо. Просто я умалчивал о том, о чем говорить было нельзя. И сочинения мои далеки от политики. Хотя все равно ухитрились то тут кусочек вычеркнуть, то там моно-

сравнению с другой, маленькой, что помещена внутри. Спрашиваю редактора: "В чем дело?" — "На обложке лично вы лучше получились!" — "Да ведь журнал про собак! Вы что же, и меня к ним отнесли?!" Но я, естественно, не обиделся: собак очень люблю.

— Есть разница между вами, допустим, 1966 года, когда на экраны вышел фильм "Берегись автомобиля!", и сегодняшним?

— Главная — внешняя. Тогда у меня был более-менее приличный вид, а теперь, по-моему, непристойный... Если серьезно — есть, конечно. Стал снисходительнее к своим ошибкам и чужим. Человек, когда стареет, как правило, сам этого не замечает. Внутри — все равно молодой. Молодость не возраст, а состояние души. Опасность для человека творческой профессии, да, наверное, и любой другой — перестать заниматься своим делом. Стараюсь работать каждый день. Работа отнимает силу, но она — получается дешевый каламбур — силу и дает.

— Медик, юрист, репортер, драматург... Биография, как у многих профессиональных писателей, сложная. Но как вы, москвич, оказались сотрудником газеты "Советская Латвия"?

— Однажды в Душанбе (тогда Сталинабад) приехал гроссмейстер Александр Кобленц, в будущем тренер Михаила Таля. Мы с ним подружались. Встретился с ним снова уже в Москве на чемпионате СССР, где Кобленц играл в финале и одновременно передавал репортажи с этих соревнований в "Советскую Латвию". Он и сосватал меня тогда этой газете.

А в 1946-м мои материалы в газете приметил Василий Александрович Регинин и взял в свой отдел искусств в журнале "Огонек" (Регинин велик тем, что именно он в "30 дней" опубликовал "Двенадцать стульев" и "Золотого тельца"). Первый очерк по его заданию был связан с реставрацией рублевских фресок. Я очень старался. Несколько раз переписывал. Едва начал читать, Регинин взял красный карандаш и перечеркнул большой первый абзац. "Василий Александрович! — взмолился я. — Вы же не читали дальше!" Регинин беззвучно засмеялся: "Молодой человек! Неужели вы думаете, что вас будут читать дважды?" Этот урок я запомнил.

— Даете ли интервью, пишете ли статьи, вы почти всегда называете имена интересных режиссеров из провинции. С чем связан ваш интерес к глубинке?

— Действительно, люблю провинциальный театр. И утверждаю: наш кинематограф прозевал множество талантливых актеров, не уступающих мастерам самым звонким именам, — актеров Тамбова, Самары, Пскова, Вятки, Саратова, Омска... Живут они жутко, бедствуют. А наши многоуважаемые кинорежиссеры не могут поднять себя из кресла и доехать в международном вагоне до Ростова или Казани, посмотреть этих актеров и начать их снимать!

В безвестности пропадают и замечательные театральные режиссеры. А наши критики, приезжая в провинцию, как правило, разговаривают с ними свысока. Помню, в Тамбове и Саратове у меня был невероятный скандал с критиками, несправедливо обрушившимися на талантливо поставленные спектакли.

— Уверена, следующий вопрос вызовет у вас оскомину...

— Про меня и Рязанова?

— Да. "Забятая мелодия для флейты" — ваша с ним последняя совместная работа.

— Встречаться 25 лет каждый день не просто. Вовсе не потому, что люди начинают испытывать друг к другу неприязнь. Нет, они лишь устают. Мы вдруг заметили, что те искорки, что шли от него ко мне и от меня к нему, как бы погасли... Как есть усталость металла, так есть, оказывается, и усталость сотворчества.

— Вот проснулись вы утром, что прежде всего приходит в голову?

— Телепрограмма "Времечко" спросила меня: "С какой мыслью вы ложитесь спать?" Я ответил: "Не с мыслью, а со сновторным". Просыпаясь, я смотрю в окно — какая погода? Если хорошая — жить можно, если плохая — все равно надо выходить с собакой. Хочешь не хочешь. Лайт меня гуляет, сам я никогда бы не вышел на улицу, особенно в сильный дождь.

Но простите, стрелки приближаются к 17.00. До чемпионата Италии по футболу считанные минуты. Значит, время на интервью истекло, мне пора к телевизору.

Гостя принимала
Елена КОНСТАНТИНОВА.
Фото Николая КОЧНЕВА.